

Можно сказать, что мы уже располагаем необходимыми периодическими органами. Нет никакой необходимости в создании специального византиноведческого журнала в ГДР, поскольку наши ученые активно сотрудничают в журнале «Byzantinoslavica», рассматривая его как византиноведский орган стран народной демократии, и поскольку в Мюнхене издается специальный журнал «Byzantinische Zeitschrift». Зато в Берлине необходимо создать, как это уже отмечалось выше, редакцию международного издания «Studia Balcanica»; в этом направлении проведены значительные подготовительные работы. Монографические труды из различных областей византиноведения смогут быть напечатаны в «Berliner Byzantinistische Arbeiten».

Существующее в настоящее время в высшей школе положение, когда византиноведение изучается по большей части только факультативно, не может быть терпимо. Необходимо создать по крайней мере в одном из университетов кафедру византиноведения, при которой было бы организовано изучение также необходимых вспомогательных дисциплин, и признать византинистику полноправной академической дисциплиной. Это повлечет за собой необходимость создания учебников по различным областям византиноведения.

Что касается музейной работы, то здесь расширение берлинских государственных музеев, возвращение перевезенного в другие места имущества, а также приобретение новых экспонатов приведет к расширению существующих в настоящее время возможностей. Насколько удастся, используя новейшие методы экспозиции, показать все стороны византийской жизни — это вопрос специальный, как и популяризация результатов исследовательской работы. Что эта работа необходима и что достижения византистики позволят исправить и видоизменить существующие представления об истории человечества, говорилось уже выше и не требует повторения.

И. Ирмшер (Берлин)

Перевод с немецкого Р. А. Ивянской

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ В ПОЛЬШЕ

Говорить о польском византиноведении пока еще очень трудно. Этот раздел медиевистики начал развиваться у нас всего за несколько лет до Второй мировой войны, а точнее с 1935 г., когда при Варшавском университете была образована кафедра истории Византии¹. Во главе ее был поставлен молодой еще ученый, доцент Львовского университета, Казимеж Закжевский. Выбор, без сомнения, был правильным. Правда, К. Закжевский по специальности был античником, но он всегда интересовался и проблемами падения античного мира, а с течением времени все больше начинал заниматься историей средневековья. К тому моменту, как он занял должность профессора византиноведения, он уже опубликовал ряд работ по истории Византии².

¹ По современной университетской терминологии — zakład („институт“), который входил в состав кафедры всеобщей истории,

² K. Z a k' r z e w s k i. Ostatnie lata Stilichona. „Kwartalnik historyczny“, t. 39, Warszawa, 1925, str. 445—514; La politique Théodosienne. Communication faite au II-e Congrès des Etudes byzantines à Belgrade. „Eos“, Commentarii, t. 30, 1927, p. 339—345; Rządy i opozycja za Arkadiusza. Krakow, 1927, 157 str.; Le consistoire impérial du Bas-Empire. „Eos“, Commentarii; „Cezura między starożytnością a «rednowieczem» w świetle historii bizantyjskiej. „Pamiętnik V Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Warszawie“, t. I, 1930, str. 72—99.

Все эти работы объединяются общими хронологическими рамками, проблематика же их различна. В статье «Cezuga...» автор пытается установить хронологическую границу, отделяющую древность от средневековья, и относит ее к 717 г. Юстиниан I, несмотря на то, что он закрыл платоновскую академию, упразднил институт консулата и всеми силами способствовал триумфу христианства, в глазах К. Закжевского был наследником Римской империи, так как он стремился к единству империи, к образованию могущественного государства, контролирующего в духе классических традиций жизнь личности во всех ее проявлениях. Планы Юстиниана провалились, но не потому, что его политика исчерпала силы византийского общества, а по причинам, которые он не мог предусмотреть: решающим явилось вторжение славян на Балканский полуостров и экспансия ислама. Преемники Юстиниана, Ираклий и даже еще Константин II, не отказались от его первоначальной мысли, мечтали о сохранении универсальной империи, унаследовавшей античные традиции. Доказательством подобных стремлений было желание перенести столицу в Карфаген или Сиракузы. Только на грани VII и VIII вв. византийское правительство порывает со своими честолюбивыми планами; ядром государства становится Малая Азия; империя, лишившись большого числа разнородных в языковом и этническом отношении групп населения, становится более однородной; появляется новое государственное образование — Византия, и на востоке Европы начинается эпоха средневековья.

Работа «Le Consistoire...» — это маленькое исследование по истории Восточно-Римской империи. Автор исследует объем компетенции прежнего сената и консистория, этого нового государственного совета, учрежденного Константином Великим.

Статья «Ostatnie lata Stilichona» является попыткой проанализировать отношения Западной и Восточной империи на рубеже IV и V вв., причем на первый план выдвигается деятельность Стихихона. Автор рассматривает вопрос о силе влияния римской культуры, проследившая шаг за шагом формирование личности этого вождя варваров, находившегося на службе империи.

В работе «La politique Théodosienne» автор исследует причины и следствия прохристианской политики преемников Юлиана Отступника. По его мнению, характер христианства был одновременно революционным и пацифистским. Императоры, жившие на грани III и IV вв., стремились превратить христианство в фактор, объединяющий все общественные слои. Эта цель была достигнута только в некоторой степени: К. Закжевский считал, что христианство образует новый тип цивилизации, опирающийся на античные традиции, но оно было неспособно ни уничтожить общественные различия, ни создать подлинную общественную солидарность. По мнению автора, христианство в качестве революционного движения себя полностью не оправдало, а религиозный фанатизм его приверженцев привел к потере Египта и Сирии.

В работе «Rzady i orozycja za Arkadiusza» нарисована картина общественных отношений в Восточно-Римской империи на границе IV и V веков, а также взаимоотношений между германцами, находившимися на службе правительства, и коренным населением империи; причины вражды между ними автор ищет в общественных и религиозных различиях.

Последней работой К. Закжевского в области византиноведения был учебник по истории Византии для высшей школы³. Написание этой работы

³ Работа „Dzieje Bizancjum“ (т. 4 многотомника „Wielka Historia Powszechna“ . Warszawa, 1936, 253 str.) вышла также отдельным изданием.

было продиктовано потребностями вновь созданной кафедры: необходимо было помочь сгруппировавшимся вокруг кафедры студентам познакомиться с предметом их занятий. Подготовленный К. Закжевским учебник до сих пор является единственным общим очерком истории Византии на польском языке. Впрочем, учебник не охватывает всей истории Византии: он начинается с основания Константинополя и кончается IV крестовым походом. Автор собирался написать второй том, но не выполнил это намерение: заподозренный в «коммунистических симпатиях» и арестованный оккупационными властями в январе 1941 г., он был расстрелян в марте того же года.

Казимеж Закжевский погиб на 41-м году жизни, в тот момент, когда как ученый он полностью сформировался. Правда, работы Закжевского не всегда отвечают нашим современным требованиям. В них обращает на себя внимание предпочтительное отображение политических событий в ущерб процессам внутреннего развития, как это имеет место в учебнике, преувеличение значения личности, что видно из оценки роли Стилихона или епископа Амвросия, переоценка чисто внешних факторов при объяснении причин образования или упадка государств. Но огромной заслугой К. Закжевского явилось то, что уже в то время и в тех условиях он понял взаимозависимость экономических, политических и культурных явлений, а также умел каждое явление рассматривать на широком фоне общественных отношений. С этой точки зрения он, без сомнения, был одним из пионеров в польской науке.

Наряду с научной работой Казимеж Закжевский читал лекции и вел семинары. Вскоре вокруг него собралась группа в 7—8 человек, часть которых под его руководством готовила магистерские диссертации, а трое — докторские. Война развеяла в прах все планы. Молодые приверженцы византиноведения либо разбрелись по свету, либо исчезли бесследно, а их профессор погиб. Только одна из работ, подготовленных под руководством К. Закжевского, — работа о религиозных партиях при первом Палеологе — в 1942 г. была представлена в подпольный университет в Варшаве, и ее автору, Галине Каппесовой, была присвоена ученая степень доктора, позднее утвержденная руководством университета в возрожденной Польше.

По окончании войны в 1945 г., когда польская наука начала возрождаться, кафедра византиноведения не была восстановлена. Это объясняется рядом причин (отсутствие сложившегося ученого, которому можно было бы поручить руководство этой отраслью науки, отсутствие выработавшейся традиции в изучении проблем византиноведения), приведших к тому, что в общем научном плане, отразившем почти исключительно интерес к новейшей истории, византиноведение почти не было представлено.

Только в 1950 г. в Лодзинском университете на кафедре всеобщей истории начала работать ученица и ассистентка профессора К. Закжевского Галина Каппесова. С тех пор в течение вот уже нескольких лет в Лодзинском университете читаются лекции как по истории Византии, так и по отделе медиевистики. Темы прочитанных лекций следующие: история возникновения и развития крупной земельной собственности в Византийском государстве в X—XI вв.; история общественных движений в Византии; Восточная Европа и Византия в период крестовых походов (до 1270 г.). В 1955—1956 учебном году в семинаре по средневековой истории была подготовлена магистерская работа на тему «Положение сельского зависимого населения в свете кодекса Юстиниана». Один из магистров посвятил себя византиноведению и изучает польско-русско-ви-

зантийские отношения при Василии Болгаробойце. Начало, хотя и очень скромное, положено.

В этот же период в печати начали появляться работы Г. Каппесовой, посвященные чисто византийской проблематике. Большинство этих работ опубликовано в журнале «Byzantinoslavica» на французском языке.

Четыре статьи, напечатанные в 1945—1956 гг., составляют единое органическое целое⁴ и представляют собой попытку характеристики Лионской унии 1274 г. В одной из этих статей автор анализирует взаимоотношения императора Михаила VIII Палеолога и папского престола в период, предшествующий унии, а также во время унии. Причинами, склонившими Михаила Палеолога к заключению унии, было желание обезопасить свое государство от нападений со стороны Сицилии и мелких латинских княжеств Морей, а также надежды на то, что крестовый поход, задуманный Григорием X, мог бы вернуть Византийскому государству потерянные в Малой Азии владения, как это было во время Первого крестового похода. Папы, со своей стороны, стремились к распространению своего влияния на Восточную Европу и к противопоставлению византийских императоров растущему могуществу Карла Анжуйского, владетеля Неаполя и Сицилии.

В двух других статьях освещено отношение различных слоев населения Византии к унии с римской церковью, которая, собственно, должна была быть политическим союзом Восточной империи с латинскими государствами на Западе. Автор показывает, что характер этих отношений диктовался мотивами религиозного и экономического свойства: одними — у землевладельцев, поместья которых производили зерно на рынок, и совсем другими — у городских ремесленников и купцов, которым угрожала конкуренция торговых итальянских республик. Неодобрительное отношение к унии у духовенства вызывала структура римской церкви, основанная на развитой иерархии и единоличной власти папы; кроме того, вызывали опасения фискальные вымогательства римской курии. Но наиболее горячими противниками религиозного соглашения были монахи и не только в силу собственного фанатизма, но и из-за корыстного стремления сохранить власть, которую обеспечивал им фанатизм толпы, старательно поддерживаемый самими монахами. Наконец, последняя часть работы⁵ рассказывает о расторжении унии в тот момент, когда Сицилийская вечеря развеяла в прах могущество Карла Анжуйского, а надежды на выгодный союз с Западом и на крестовый поход или на возвращение захваченных латинскими рыцарями земель на Балканском полуострове полностью потерпели крах.

Темой другой работы⁶ Г. Каппесовой являются латино-византийские отношения на протяжении нескольких веков; особое внимание уделено периоду, предшествующему падению Константинополя. Автор анализирует основные расхождения между сторонниками греческой и латинской ориентации, которые являлись источником конфликтов: религиозные, вытекающие из различия в структуре церквей, экономические, выражающиеся в борьбе за овладение путями на Ближний Восток и к Черному морю, политические, которые некогда возникли на Балканах, в Южной Италии и на островах Средиземного моря, и, наконец, культурные, явившиеся результатом своеобразных условий развития.

⁴ H. Kappesowa. Byzance et le St. Siège à l'époque de l'Union de Lyon. „Byzantinoslavica“, 16, 1955, p. 297—316; Le clergé byzantin et l'Union de Lyon. Ibid., 13, 1952, p. 68—92; La Société byzantine et l'Union de Lyon. Ibid., 10, 1949, p. 28—41; La fin de l'Union de Lyon. Ibid., 17, 1956, p. 1—18. Все эти статьи напечатаны под общим заголовком „Une page sur l'histoire des relations byzantino-latines“.

⁵ H. Kappesowa. La fin de l'Union de Lyon.

⁶ H. Kappesowa. Stronictwo antylacińskie w Konstantynopolu w przeddzień jego upadku. „Przegląd historyczny“, t. 40, 1949, str. 128—144.

В более поздней статье⁷ автор возвращается к той же проблематике, но рассматривает ее с несколько иных позиций; в центре внимания находится 1453 год. В то время не могло быть и речи о спасении Константинополя, можно было лишь говорить о том, под чьим он окажется господством — латинско-христианским или турецко-мусульманским. По мнению автора, солидарность христиан, по крайней мере в то время, была мифом и ни одно из западных государств не было в состоянии предоставить помощь грекам и померяться силами с турками. Промусульманская партия среди греков возникла не из слепого фанатизма, а из реальных политических условий. В 1453 г. шла борьба за Константинополь и его окрестности. Город, окруженный морем турецких владений, задыхался, приходил в упадок, трепетал перед угрозой голода, который мог наступить каждую минуту вследствие прекращения подвоза продовольствия через Черное море. Будущее показало, что Константинополь мог возродиться лишь как столица большого государства.

В 1955 г. опубликована еще одна статья⁸ Каппесовой, задуманная как вступление к большой работе, над которой сейчас трудится автор. Эта статья посвящена византийской деревне на грани VIII и IX вв., накануне народного восстания, известного под названием восстания Фомы Славянина. Изучение проблемы еще не закончено; одним из основных источников, наряду с законодательными памятниками и агнографией, является Земледельческий закон. В статье характеризуется состояние данной проблемы, а также приводятся соображения автора о происхождении Земледельческого закона, относящегося, по его мнению, ко времени Исаврийской династии и вызванного к жизни переменами, которые внесла в структуру византийской деревни славянская колонизация.

Среди работ Г. Каппесовой необходимо также назвать подбор и комментарии текстов для высшей школы⁹. Эти тексты были взяты из хроник, деловых документов, юридических и литературных памятников.

Эти тексты, получившие одобрительные отзывы, находят применение на занятиях со студентами II курса университета.

В вышеприведенном обзоре было рассмотрено, собственно, все, что в узком смысле слова можно назвать польской византинологией, т. е. рассмотрена деятельность ученых, если не исключительно, то прежде всего связанных с этой наукой и отдающих ее изучению все свои силы. Нельзя, однако, обойти молчанием и те работы, которые вышли из-под пера историков или ученых других специальностей, но тематически близко сопрягаются с византиноведением.

В первую очередь здесь следует напомнить о работах О. Галецкого. Среди огромного количества написанных им трудов и прочитанных в продолжение многолетней научной деятельности докладов имеется ряд работ, посвященных истории Византии. Проблематика, затрагиваемая О. Галецким, была очень разнообразной; неоднократно он обращался к вопросу о роли, которую играла Восточно-Римская империя в формировании государств Восточной Европы¹⁰, затрагивал «восточный вопрос», т. е. рассма-

⁷ H. K a p p e s o w a. La tiare et le turban. „Byzantinoslavica“, 1953, p. 245—257.

⁸ H. K a p p e s o w a. Wieś bizantyjska i jej struktura w świetle badań współczesnej historiografii barżuazyjnej i radzieckiej. „Zeszyty naukowe Univ. Łódzkiego“. Seria I, zeszyt. 1, 1955, str. 47—79.

⁹ Upadek cesarstwa rzymskiego i początki feudalizmu na Zachodzie i w Bizancjum. Warszawa, 1951, 214 str. Помимо фрагментов в первой части Г. Каппесовой принадлежит часть „Eizyncjum w średniowieczu“, str. 136—186.

¹⁰ O. H a l e c k i. „La formation des grands états dans l'histoire de l'Europe orientale“ — доклад, прочитанный в 1920 г. в Женеве; „L'histoire de l'Europe orientale, ses divisions en époques, son milieu géographique, et ses problèmes fondamentaux“ —

тривал вопрос о господстве над проливами и южным бассейном Средиземного моря как одну из главных проблем средневековья¹¹. Историк средневековой Польши О. Галецкий изучал ее связи с Византией и осветил их в нескольких докладах и статьях¹², но, будучи католическим ученым, он интересовался прежде всего отношениями между западной и восточной церквями. К этой же теме относится и доклад О. Галецкого на VI Международном конгрессе историков в Осло¹³, доклад в Лувене, где особо подчеркнута роль Польши в усилиях объединить обе церкви¹⁴, а также большая работа, рассматривающая вопрос о действиях императора Иоанна V¹⁵ в пользу унии. В этих работах автор проводит следующие положения:

1. Разделение церквей принесло много вреда восточной церкви. 2. Оно не было неизбежным, и Рим делал все, что было в его силах, чтобы прийти к соглашению. 3. Препятствия на пути объединения, чинимые греческой стороной, затрудняли организацию военной помощи для спасения Восточно-Римской империи.

Размеры данной статьи не позволяют полемизировать с положениями О. Галецкого, но все же трудно удержаться от высказывания некоторых соображений: разделение церквей явилось результатом длительного процесса, которому предшествовали многочисленные более или менее длительные периоды разрыва отношений; к последней схизме, а позднее к антипатии — чтобы не сказать ненависти — с обеих сторон привели многие политические и экономические причины. Схизма была следствием, а не причиной антагонизма. При оценке ее результатов для восточной церкви следует, в частности, установить, не явилось ли чувство обособленности, возникшее в Византии в результате схизмы, тем элементом, который так пригодился позже, чтобы выдержать турецкое завоевание. Вряд ли можно также без колебания утверждать, что так называемый цезарепапизм для церкви был более вреден, чем nepотизм и деспотическая власть пап, от чего так стремилось оградить себя православное духовенство. Наконец, помощь Запада Византии вряд ли могла быть реальной ввиду того, что с середины XIV в. подготовка крестовых походов велась вяло, да и сами эти походы имели

доклад на V Международном конгрессе историков в Брюсселе в 1923 г.; „Rome et Byzance dans l'histoire de la Lithuanie“ — доклад, прочитанный в 1933 г. в Парижском университете. Доклады опубликованы в дневниках конгрессов; неоднократно они выходили отдельными изданиями.

¹¹ O. Halecki. Bizancjum a Wenecja w przededniu wojny o Tenedos. „Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polsk. Akad. umiejętności“, 1929, № 10, str. 11—12; „La question d'Orient au XIV siècle“ — доклад, прочитанный в 1930 г. в Парижском университете; „Die Hauptprobleme des letzten Jahrhunderts byzantinischen Geschichte“ — доклад, прочитанный в Рижском университете в 1931 г.

¹² O. Halecki. La Pologne et l'Empire. Biz., VII, 1932, p. 41—67; „La Pologne et la question d'Orient de Casimir le Grand à Jean Sobieski“ — доклад на VII Международном конгрессе историков в Варшаве в 1933 г. (La Pologne au VII Congrès des Sciences historiques. Warszawa, 1933, p. 431—443).

¹³ O. Halecki. Le problème de l'Union des Eglises — доклад на VI Международном конгрессе историков в Осло в 1928 г. (La Pologne au VI Congrès des Sciences historiques, p. 119—140); Byzance à l'époque du Grand Schisme d'Occident. Warszawa, 1938, 45 p.

¹⁴ O. Halecki. Le rôle de la Pologne dans l'histoire de l'Union des Eglises. Louvain, 1928.

¹⁵ O. Halecki. Un empereur de Byzance à Rome. Vingt ans de travail pour l'Union des Eglises et pour la défense de l'Empire de l'Orient 1355—1575. „Rozprawy historyczne T-wa Naukowego Warszawskiego“, t. VII, Warszawa, 1930, str. 416. С этой работой перекликается его статья „Two Palaeologi in Venice 1370—1371“ (Byz., t. 17, 1944—1945, p. 331—336). На основании неизвестного до того времени документа автор утверждает, что Иоанн V во время своего путешествия на Запад не был арестован в Венеции за долги.

мало шансов на успех: не следует забывать, что Запад оказался не в состоянии защитить даже свои собственные владения.

От работ, посвященных чисто византийской тематике, теперь надлежит перейти к таким, содержание которых более или менее тесно связано с нею. Работы эти следующие:

1. Труды Р. Таубеншлага. Этот выдающийся историк права много внимания посвятил византийскому законодательству, его характеру и действию на территории Египта. В статьях им рассмотрены организация византийского судопроизводства в этой провинции и, в частности, поставлен вопрос о том, в какой мере папирусы отразили применение законов Юстиниана. Особое место занимает большая работа, охватывающая тысячелетие римско-византийского законодательства. Первый том этой работы вышел в Нью-Йорке, второй — в Варшаве двумя годами позже. Автор исследует государственное и административное право, а также применение их на практике. Целью работы является не только анализ изменений правовых понятий на протяжении нескольких веков, но и показ, в какой степени сталкивались греческое и египетское влияния. В одной из своих работ Р. Таубеншлаг остановился на влиянии византийского законодательства на польское¹⁶.

2. Краткая, но очень эрудированная статья С. Микуцкого по истории дипломатики¹⁷, изданная на польском и французском языках. В ней с точки зрения содержания и формы исследуются три русско-византийских договора: 911, 944 и 971 гг. Автор делает очень любопытные выводы о характере торговых и политических отношений между Киевом и Константинополем, относя их начало к более раннему времени, чем это было принято до сих пор. Статье предпослано вступление о византийской дипломатике и о подлинности исследуемых договоров.

3. Работы В. Моле по истории искусства. На первом месте стоит работа о христианском и византийском искусстве и их взаимосвязях¹⁸, затем идет доклад, прочитанный на заседании Польской академии художеств¹⁹. В докладе набросан план обширного труда, в котором должен быть обрисован характер искусства балканских народов, его возникновение и развитие под византийским влиянием. Перу этого же автора принадлежит опубликованная в журнале «Pamiętnik słowiański»²⁰ статья, содержащая анализ последствий падения Константинополя для балканских славян. Автор дал также краткую характеристику отношения славян к Византии с VI до конца XIV в., особое внимание уделив византийскому влиянию в области культуры и преимущественно в искусстве.

¹⁶ R. Taubenschlag. Organizacja sądowa Egiptu w epoce rzymskiej. „Rozprawy Polsk. Akad. Umiej.“, XXV(L). Kraków, 1907, str. 253—333; The Legislation of Justinian in the Light of the Papyri. Byz., 15, 1941, p. 280—295; The Legal Profession in Greco-Roman Egypt. „Festschrift F. Schulz“, Bd. II, Weimar, 1952, p. 183—192; Les publications officielles du stratège dans l’Égypte greco-romaine. „The Journal of Juristic Papyrology“, t. V, Warszawa, 1951, p. 155—160; Γεννηματογραφία in Greco-Roman Egypt. „The Journal of Juristic Papyrology“, t. IV, 1950, str. 77—82; The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri, 332 B. C.—640 A. D., Vol. I. New York, 1944, p. XV + 488, во втором издании этой книги (Warszawa, 1955, XV + 789 p.) оба тома объединены в один; Wpływy rz.-bizantyjskie w drugim Statucie Litewskim. Lwów, 1933, str. 36.

¹⁷ Studia nad najstarszą dyplomatyką ruską — I. Traktaty rusko-bizantyjskie z X w. Kraków, 1952, 106—142 str.

¹⁸ V. Molé. Historia sztuki staro-chrześcijańskiej i wczesno-bizantyjskiej. Lwów, 1931. XVIII + 420 str.

¹⁹ V. Molé. Stanowisko Bałkanów w dziejach sztuki. „Sprawozd. Polsk. Akad. Umiej.“, t. L, Kraków, 1949, str. 209—212.

²⁰ V. Molé. W 500 na rocznicę upadku Konstantynopola w. r. 1453. „Pamiętnik Słowiański“, t. IV, Kraków, 1954, str. 361—386.

С византийско-славянскими связями должен был в своих исследованиях столкнуться и Г. Лабуда. Несколько лет тому назад он опубликовал статью о хронологии византийских походов против аваров и славян в конце VI в., в которой, сравнивая упоминания о походах, имеющиеся в «Хронографии» Никифора и хронике Фредегара, с текстом Феофилакта Симокатты, начало этих походов он относит не к 591, а к 595 г.²¹

Особую группу образуют филологические работы. В польских высших учебных заведениях и в особенности в Ягеллонском университете имеются коллективы специалистов по классической филологии, интересы которых косвенно или непосредственно соприкасаются с византиноведением. Тот факт, что это специалисты по классической филологии, придает особый характер их научному творчеству в рассматриваемой области, так как преобладающая часть работ относится к ранневизантийской эпохе, более поздние периоды их не интересуют, а рассматриваемые в работах этих ученых проблемы выбраны с точки зрения их профессиональных интересов. В данной связи необходимо назвать ряд работ профессора Т. Синко²². Это — снабженные комментариями переводы речей и проповедей двух выдающихся отцов восточной церкви. Исследуя знаменитое творение Иоанна Златоуста о сущности священства, автор датирует его 404—407 гг., усматривая в нем черты конфликта между императорским двором и патриархией, что относится к периоду второй ссылки Иоанна Златоуста. Восстанавливая хронологию поэзии Григория Назианзина, автор уточняет некоторые данные его биографии, в том числе и год рождения — 326. В работе о греческой литературе Т. Синко устанавливает отличную от принятой у немецких филологов границу: по мнению Т. Синко, античные традиции в греческой литературе преобладали до середины VII в., чтобы затем уступить место византийским.

Наряду с Т. Синко патристикой занимался также и Ян Сайдак. Из его трудов в этой области надо упомянуть два: чрезвычайно эрудированную работу о литературной деятельности Григория Назианзина и работу о греческих рукописях, хранящихся в монастыре Монте Кассино²³. Перу этого автора принадлежит также обзор византийской литературы, опубликованный в многотомнике «Wielka literatura powszechna»²⁴. Естественно, что в этом обзоре предмет представлен в чрезвычайно сжатом виде: менее чем на ста страницах автор рассмотрел литературное наследство греческой церкви, летописцев, историков с начала византийской истории до падения Константинополя, светскую литературу — поэзию, роман, сатиру и даже народное творчество. Византийскую литературу автор характеризует как связующее звено между классической и новогреческой литературами. Наиболее интересным моментом в работе является рассмотрение византийского влияния на литературу славян вообще и на польскую в частности. Автор не имел своей целью внести в рассматриваемый предмет что-то новое, он

²¹ G. Labuda. Chronologie des guerres de Byzance contre les Avars et les Slaves à la fin du VI siècle. „Byzantinoslavica“, 11, 1950, p. 167—174.

²² T. Sinko. Sw. Jan Złotousty. 20 mów i homilii. Przel. T. Sinko. Poznań, 1947, 160 str.; De inventione, tempore, consilio librorum de sacerdotio S. Joanni Chrysostomi. „Sprawozd. Polsk. Akad. Umiej.“, t. L (8), 1949, str. 405—408; Chronologia poezji Św. Grzegorza z Nazianzu. Ibid., t. XI, 1947, str. 147—156; Granice i układ literatury greckiej w epoce hellenistycznej i za cesarstwa rzymskiego. „Sprawozd. Polsk. Akad. Umiej.“, t. XLVI, zes. 1—5, 1945, str. 10—14.

²³ J. Sajdak. De Gregorio Nazianzeno poetarum christianorum fonte. Kraków, 1917, 79 str.; Historia critica scholiarum et commentatorum Gregorii Nazianzeni. Kraków, 1914, 340 str.; De codicibus graecis in Monte Cassini. Kraków, 1912, 97 str.

²⁴ Wielka literatura Powszechna, T. IV. Warszawa, s. a., 681—761 str.

стремился представить в обобщенном очерке объем, характер и значение литературного наследства Византии.

Изучением византийского влияния на лексикографию восточных славян занимался Я. Янов²⁵. По его мнению, византийское влияние преобладало до XV в., а затем постепенно все сильнее начинает обозначаться западное.

Деятельность солунских братьев нашла отражение в трудах Т. Лер-Сплавинского²⁶. Т. Лер-Сплавинский исследовал столкновение влияний римской и восточной церквей на территории Словакии, а также роль Кирилла и Мефодия в формировании славянских языков, использовавшихся ими при богослужении.

Филологам же принадлежит несколько научно-популярных работ, основанных на серьезном изучении предмета. В первую очередь следует упомянуть стихотворный перевод эпоса о Дигенисе Акрите, сделанный Клементом Гаммером²⁷. Изложение содержания «Дигениса», этой народной эпосеи, с интересным анализом отразившихся в ней восточных и византийских элементов, а также освещение истории распространения этого эпоса в Восточной Европе было дано Северином Гаммером²⁸. Ему же принадлежит сопоставление и характеристика различных текстов, взятых из произведений византийской литературы X—XI вв., описывающих путешествия в ад; он рассмотрел также некоторые памятники ранней византийской литературы, уделив особое внимание Москуози²⁹. Наконец, в статье Т. Славянами мы найдем популярную характеристику отношений Византии со славянами при Фотии, а также результатов миссии Кирилла и Мефодия в Паннонию³⁰.

Характеристика истории Византии дана в брошюре, предназначенной для использования в старших классах школы³¹. Условия, поставленные издательством, заставили автора представить тему в чрезвычайно сжатом виде, ограничившись характеристикой некоторых важнейших черт Византийской империи и поворотных моментов в ее истории.

Фрагменты из византийских хроник, касающиеся истории славян, опубликовал М. Плезя. Эти тексты и комментарии к ним предназначены для высшей школы³².

Данный обзор не охватывает, конечно, всего, что опубликовано в Польше по византиноведению и смежным с ним дисциплинам. Целью автора было охарактеризовать состояние византиноведения в Польше и интерес польской общественности к Византии главным образом в течение последних одиннадцати лет и лишь в общих чертах — в течение двадцати лет между Первой и Второй мировыми войнами. Поэтому с некоторым

²⁵ J. Jan ó w. Leksykografia wschodnio-słowiańska do końca XVII w. Cz. 1. Uwagi o „Azbukownikach“ bizantynskoruskich. „Sprawozd. Polsk. Akad. Umiej.“, № 2, 1952, str. 129—135.

²⁶ T. L e h r - S p ł a w i ń s k i. Konstantyn i Metodiusz w walce o liturgikę słowiańską. „Przegląd Zachodni“, № 12, 1949, str. 626—638; Działalność Cyryla i Metodego a Słowiańszczyzna. „Rocznik sławistyczny“, t. XVI, 1948, str. 116—138.

²⁷ K. H a m m e r. Digenis. Księga 1. „Meander“, 1946, № 1, S. 110—198.

²⁸ S. H a m m e r. O eposie ludowej greckiego średniowiecza p. t. Bazyli Digenis Akritas. „Meander“, 1949, № 1—2, str. 84—93; № 3, str. 140—149.

²⁹ S. H a m m e r. O bizantyjskich podróżach do piekieł. „Meander“, 1948, № 3, str. 27—33; Ze świata legendy i baśni antycznej bizantynskiej i nowogreckiej. „Meander“, 1946, № 1, str. 49.

³⁰ F. S ł a w s k i. Piśmiennictwo staro-słowiańskie na terenie Wielkich Moraw i Panonii w dobie Cyrylo-Methodiańskiej. „Życie i myśl“, 1951, № 7—8, str. 7—32.

³¹ M. H. S e r e j s k i. Bizancjum. Warszawa. T-wo wiedzy powszechnej, 1947, 27 str.

³² Najstarsze wiadomości o Słowianach. Poznań, 1947, 58 str.; Greckie i łacińskie źródła do najstarszych dziejów Słowian. Cz. I do VIII w. przeł. i oprac. M. Plezia. Poznań—Kraków, 1952, 201 str.

ущербом для данного обзора автор не упомянул кое-какие работы: одни из них совсем ничего не прибавили бы к нарисованной картине, другие восполнили бы ее лишь в незначительной степени. Из вышесказанного вытекает, что настоящее изучение византийской истории в Польше началось только в 1935 г., чтобы затем исчезнуть в результате войны, вместо того, чтобы развиваться. После войны исследования продолжают разрозненными усилиями немногих исследователей, но они находят пока еще слабый отклик в научном мире и у широкой общественности. То, что сделано — узко ли в научном отношении или в плане популяризации, — возникло в связи с другими интересами и в силу этого носит фрагментный характер. При таком положении еще нельзя, конечно, говорить о какой-то плановой деятельности. Ее не может быть там, где нет хотя бы небольшого коллектива ученых, способного в соответствии с существующими условиями этот план разработать и обеспечить его выполнение. Только тогда можно будет говорить не о том или другом случайном византистике, а о византиноведении как части разрабатываемой в Польше исторической науки. И нет причин, мешающих этому. В Польше, славянской стране, расположенной между Центральной и Восточной Европой и связанной многочисленными нитями с народами, которые почерпнули свою культуру из Византии, византиноведение имеет не только равное, но даже большее право на развитие, чем во многих других странах, где ему уделяется большое внимание. Для достижения этого нужно, с одной стороны, преодолеть равнодушие и предубеждение широких читательских кругов с помощью популяризации истории Византии, а с другой — поставить исследования в области византистики на твердую почву. Это потребует изучения иностранной литературы и источников, оказания определенной поддержки в педагогической работе: молодые историки должны знакомиться с достижениями византистики не только на лекциях и семинарах по средневековой истории, но и по истории Польши, славянской страны, связанной и в прошлом с остальным славянством. Правда, Польша бедна необходимыми литературой и источниками, но широкое использование микрофильмов и фотокопий поможет преодолеть эти затруднения. Необходимо также установить связи с византистами всего мира; в начале своего существования польское византиноведение было связано с западноевропейскими научными центрами, при современном характере отношений оно может найти поддержку прежде всего у советской византинологии.

Г. Каннесова (Лодзь)

Перевод с польского К. И. Козыриной

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

в 1947—1956 гг.

Настоящая статья является кратким обзором итогов работы, проделанной за последние десять лет британскими учеными в различных областях византиноведения. Этот обзор охватывает собой следующие разделы: А) история, Б) патристика, В) история церкви, литургика и вероучение, Г) византино-славянские отношения, Д) археология, Е) искусство и архитектура, Ж) нумизматика и З) работы, подготовляемые к печати.

А. История

В течение многих лет византиноведение в Англии развивалось благодаря творческой активности и эрудиции Н. Бейнса, способного продолжателя трудов Д. Бэри. Опубликованный недавно сборник его работ¹ (за ко-

¹ N. H. Baynes. *Byzantine Studies and Other Essays*. London, 1955.